Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться:

«Ну, курвин сын, смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!»

* * *

Раз зимою ехали по Волге-реке извозчики.

Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну и пошла под лед со всем возом.

«Ну, моли Бога, что ушла, – закричал мужик, – а то я бы нахлестал тебе бока-то!»

* * *

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала.

«Не плачь, жена, я скоро приеду».

«Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли!»

* * *

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке:

прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок,

да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени.

Хозяин услыхал шум и вышел с огнем:

«Чого тоби треба?»

«Не надо ли тебе сала?» – спрашивает солдат.

«Ни, у мене свого богацько!»

«Ну так потрудись, навали мне мешок на спину».

Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

* * *

Раз вошел хохол в церковь в шапке и стал впереди всех; другой увидал и толкнул его:

«Что ты шапки не скидаешь?»

Тот оглянулся:

«А шо, хиба староста здись?»

* * *

В одной слободе напроказил что-то дьячок.

Собралась громада и послала за ним десятского.

«Пан дьячок, иды в громаду, – сказал десятский, – щось на тебе громада рыпить!»

«Сейчас приду», – отвечал дьячок;

захватил с собой кувшин с дегтем да кнач и пошел в громаду.

«Кто тут на меня рыпит?» – спрашивает дьячок.

«Та хоть бы и мы!» – крикнул старшина.

Дьячок мазнул его дегтем по губам – он замолчал.

«Еще кто?»

Все и замолчали.

* * *

Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смеяться.

«Ну, – говорит он, – молите Бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!»

«Какую, скажи, пожалуй!»

«Я бы спрятался!»

* * *

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отправились в путь.

«А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» – «Ну, я хоть и дорого заплатил, – сказал один, – зато недаром!»

«А что?»

«А разве вы не приметили?

Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»

* * *

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз – ничего;

купил еще косушку – все не пьян;

выпил еще шкалик – и опьянел.

И начал тужить:

«Зачем покупал я полуштоф да косушку?

Лучше б прямо купил шкалик – с него б меня и так разобрало!»

* * *

Овдовел мужик, пришлось самому хлебы ставить.

Вот он замесил в деже тесто и вышел куда-то.

В сумерках воротился, хотел было вздуть огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлебы кисли.

«Недавно, – думает себе, – ушел, а кто-то уж забрался в избу!» – и впотьмах наступил на кочергу.

Она ударила его в лоб, он закричал:

«Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал!» – а сам ну пятиться вон из избы.

На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку дверью и упал.

«Батюшка, отпусти!

Не держи меня, право слово – ничего тебе не сделаю!»

* * *

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиною.

Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит:

«Ну, брат, что зацепил – то и Бог дал!»

А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать:

«Ну, брат, что зацепил – то и Бог дал!»

* * *

Богатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, угощал:

только коли кто скажет ему противное – того непременно поколотит.

Раз зазвал он к себе ямщика.

Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения сказал:

«Довольно, хозяин! Мне пора ехать».

Купец давай его бить, так что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей.

Купец за ним.

Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал:

«Не так вкладываешь!»

А ямщик давай его бить да приговаривать:

«Не твое дело указывать!

Не твое дело указывать!»

* * *

Один мужичок охотник был драться;

зазвал к себе в гости мужика, велел хозяйке собрать на стол, велит гостю садиться за стол.

Тот отговаривается:

«Что ты, Демьян Ильич, беспокоишься напрасно?»

Демьян Ильич ему плюху, да и по щеке, и говорит:

«В чужом доме хозяина слушай!»

Тому нечего делать, сел за стол, потчует его; он ест.

Хозяин начал рушать хлеба много.

Мужик и говорит:

«Куда ты, Демьян Ильич, столько хлеба нарушиваешь?»
Демьян Ильич и другу ему чику:

«Не указывай, – говорит, – в чужом доме!

Делай то, чего хозяин велит».

Мужик не рад стал: ежели потчует – не ест, не слушает Демьяна.

Тот его бьет да приговаривает:

«В чужом дому хозяина слушай!»

На эту пору ниоткуда возьмись – другой детина, только в невзрачной лопотине, а парень бойкий, без спросу отворяет ворота, заезжает в ограду;

а Демьян вышел на крыльцо, кланяется:

«Милости просим, милости просим!» – охота и этого побить! Детина – неробкий, снимает шапку и говорит:

«Извини, Демьян Ильич, я не спросился – заехал». – «Ничего, ничего! Милости просим в избу».

Детина вошел.

Хозяин и его садит за стол, жене велит ставить естов, нести хлеба, так и потчует!

А детина ест да ест, не перечит.

Демьян сколько ни бился – детина ни в чем не перечит:

не удалось ему ударить.

Он и пошел на проделки, вынес хорошее, самое лучшее платье, говорит детине: «

Скидай то, надевай вот это!»

Думает сам:

«Ужо-де отпираться станет, я его выколочу».

Детина не прекословит, надевает.

Демьян то, другое подсунет; детина все не спорит.

Вывел хорошую лошадь, обседлал в лучшее седло, надел добру узду и говорит детине:

«Садись на мою лошадь; твоя-то худая!»

ужо да не станет ли перечить?

Детина сел.

Демьян велит ехать; тот молчит, понужнул лошадь, выехал из ограды и говорит:

«Прощай, Демьян! Не черт пихал, сам попал!»

И уехал – поминай как звали: только и было!

Демьян посмотрел вслед, хлопнул руками, да и сказал:

«Ну, видно, нашла коса на камень!

Дурак же я – хотел побить, да лошадь и пробил!»

Может, лошадь-то со сбруей-то сот полуторых стоила.

* * *

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за пятьдесят рублей.

Случилось быть при этом мужику;

пришел мужик домой и говорит своей бабе:

«Знаешь ли что, жена?»

«А что?»

«Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку – пятьдесят рублей заплатил.

Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?» – «Понеси!»

Вот взял мужик гусака и понес к барину.

Приносит: «Купи, барин, гусака».

«А что стоит?» – спросил барин.

«Сто рублей».

«Ах ты, болван!»

«Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!»

Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром.

«Ну, ладно, – сказал мужик, – попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел;

идет мимо барского дома и кричит:

«Кому теплы сени работать?»

Барин услыхал, зовет его к себе:

«Да сумеешь ли ты сделать?»

«Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо».

«Ах, братец, – сказал барин, – покажи мне этот лес поскорее».

«Изволь, покажу».

Поехали они вдвоем в лес.

В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины;

расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель.

Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защемил ему руку.

Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать:

«Не бей мужика, не бери гусака!

Не бей мужика, не бери гусака!»

Уж он его дул, дул!

Вволю натешился и сказал:

«Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу».

Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли да из тисков высвободили – времени и многонько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да охает;

а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит:

«Кого полечить?»

Барин услыхал, зовет его:

«Ты что за человек?»

«Я дохтур; всякую болезнь снимаю».

«Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!»

«Отчего не вылечить?

Прикажи истопить баню».

Тотчас вытопили баню.

«Ну, – говорит мужик барину, – пойдем лечиться;

только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!»

Пошли они вдвоем в баню; барин разделся.

«А что, сударь, – спрашивает дохтур, – стерпишь ли, коли в этаком жару начну тебя мазью пачкать?»

«Нет, не стерпеть мне!» – говорит барин.

«Как же быть? Не велишь связать тебя?»

«Пожалуй, свяжи».

Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки.

Уж он валял-валял, а сам приговаривал:

«Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!»

После, уходя, сказал:

«Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу».

Барин еле жив из бани вылез,

не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака и двести рублей.

* * *

Жил-был купец; у него был сын.

Вот однажды посылает он сына в нижние города товары закупать и на прощанье наказывает:

«Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!»

Поехал купеческий сын в путь-дорогу.

День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в кабак обогреться;

входит – за стойкою сидит рыжий целовальник.

«Налей-ка мне, – говорит ему купеческий сын, – стакан доброй наливки».

Выпил стакан наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка!

Сто рублев стоит! Налей-ка еще».

Выпил в другой раз – еще лучше показалась:

«Ну, брат, этот стакан двух сот стоит».

А целовальник себе на уме:

какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал.

Пришло дело до расчета.

«Сколько тебе?» – спрашивает купеческий сын.

«Триста рублев».

«Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!»

«Не я заломил, ты же сам назначил, да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертишься; коли не заплатишь – с двора не спущу!»

Нечего делать, заплатил купеческий сын триста рублев, поехал дальше и думает сам с собою:

«Вот она правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал; родительское слово пустяшное не бывает».

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом.

Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу!

«Что с ним сталося? Не попритчилось ли?»

подумал встречный мужик,

подошел к купеческому сыну и стал подымать его на ноги: «Вставай, брат!»

«Отвяжись от меня!

Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь».

«Полно, брат!

Рыжий да красный всякий бывает:

бывает плут, бывает и добрый человек.

Да кто тебя обманул-то?»

«Так и так, рыжий целовальник из соседнего села». – «Воротись со мной; я с ним сделаюсь».

Вот приехали они в кабак, мужик тотчас окинул глазом всю избу, увидал:

под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки,

да тут же бьет его по плечу и говорит:

«Продай-ка мне эту лопаточку!»

«Купи».

«Что возьмешь?»

«Рубль серебра».

Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки:

«На, брат, вырежь у него лопатку – мне на закуску».

«Что ты! – говорит целовальник. –Я тебе баранью лопатку продал, а не эту».

«Рассказывай!

Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!»

Целовальник просить да молить, чуть не в ноги кланяется.
«Ну, так и быть! – сказал мужик.

Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна».

Целовальник отдал назад триста рублев; а мужик того и добивался.

«Вот видишь, – говорит купеческому сыну, – рыжий да красный всякий бывает:

бывает и плут, бывает и добрый человек.

Поезжай теперь с Богом!»

А купеческий сын только и думает,

как бы скорее убраться; сел в кибитку,

погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике:

«Слава Богу, вырвался!

Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей;

коли б с ним связался, кажись,

он с меня с живого бы кожу снял!»

* * *

Жил-был бедный мужик;

детей много, а добра – всего один гусь.

Долго берег он этого гуся, да голод не тетка:

до того дошло, что есть нечего:

вот мужик и зарезал гуся;

зарезал, зажарил и на стол поставил.

Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало.

Говорит хозяин своей жене:

«Как станем мы есть без хлеба, без соли?

Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба».

«Ну что ж, с Богом!»

Приходит к барину:

«Принес вашей милости гуська на поклон;

чем богат, тем и рад.

Не побрезгуй, родимый!»

«Спасибо, мужичок, спасибо!

Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!»

А у того барина была жена,

да два сына, да две дочери – всего было шестеро.

Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить.

Отрезал голову и дает барину:

«Ты, – говорит, – всему в доме голова, так тебе голова и следует».

Отрезал гузку, дает барыне:

«Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!»

Отрезал ноги, дает сыновьям:

«А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!»

Дочерям дал по крылышку:

«Вам с отцом, с матерью недолго жить; в

ырастете – прочь улетите.

А я, – говорит, – мужик глуп, мне глодать хлуп».

Так всего гуся и выгадал себе.

Барин засмеялся, напоил мужика вином,

наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик,

позавидовал бедному,

взял – зажарил целых пять гусей и понес к барину.

«Что тебе, мужичок?» – спрашивает барин.

«Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». – «Спасибо, братец!

Ну-ка раздели промеж нас без обиды».

Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну!

Стоит да в затылке почесывает.

Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить.

Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит:

«Вы теперь, сударь, сам-третей!»

Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего – двум дочерям:

«И вы теперь сам-третий!»

Остальную пару гусей взял себе:

«Вот и я сам-третей!»

Барин говорит:

«Вот молодец, так молодец!

Сумел всем поровну разделить, и себя не забыл».

Тут наградил он бедного мужика своею казною,

а богатого выгнал вон.

* * *

Повез бедный мужичок дрова продавать.

Встречает его богатый да чванный.

«Эй, постой! Что на базар везешь?»

«Солому».

«Врешь, дурак! Какая солома – этой дрова!»

«Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать!

У тебя глаза не вылезли!»

Сказал бедный и поехал своей дорогой.

На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем.

«Так и так, – рассказывает ему, – разобидел меня бедный мужичишка!»

А бедный как тут – едет опять навстречу.

«Вот он – вчерашний мужик-то!» – говорит богатый.

«Нет, врешь! – отвечает ему бедный. – Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете».

* * *

Шли проселком нищие – старик да старуха; стали подходить к деревне.

Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!»

Старуха в ответ:

«А я в молоко хлеба накрошу!»

Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать:

«Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!»

Пришли в деревню, а молока никто не дал.

* * *

Повезла баба в город кринку масла продавать;

время-то шло к масленой.

Нагоняют ее два солдата:

один позади остался, а другой вперед забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпоясшь меня, пожалуйста».

Баба слезла с воза и принялась подпоясывать.

«Да покрепче подтяни!»

Баба подтянула покрепче.

«Нет, это туго; ослабь маленько».

Отпустила послабже.

«Уж это больно слабо будет: закрепи потуже».

Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову.

«Ну, спасибо тебе, тетка!

Подпоясала ты меня на всю масленицу», – говорит солдат. «На здоровье, служба!»

Приехала баба в город, хвать – а масла как не бывало!

* * *

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка!

Дай-ка мне чего-нибудь поесть».

А старуха в ответ:

«Вот там на гвоздике повесь».

«Аль ты совсем глуха, что не чуешь?»

«Где хошь, там и заночуешь».

«Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!»

И полез было с кулаками:«Подавай на стол!»

«Да нечего, родимый!»

«Вари кашицу!»

«Да не из чего, родимый!»

«Давай топор; я из топора сварю».

«Что за диво! – думает баба. – Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит».

Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить.

Варил, варил, попробовал и говорит:

«Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!»

Баба принесла ему круп.

Опять варил-варил, попробовал и говорит:

«Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!»

Баба принесла ему масла.

Солдат сварил кашицу:

«Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашицу есть».

Похлебали вдвоем кашицу.

Старуха спрашивает:

«Служивый! Когда же топор будем есть?»

«Да вишь, он еще не уварился, – отвечал солдат, – где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю».

Тотчас припрятал топор в ранец,

распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню.

Вот так-то солдат и кашицы поел и топор унес!

* * *

Купил мужик гуся к празднику и повесил в сенях.

Проведали про то двое солдат;

один взобрался на крышу гуся добывать,

а другой вошел в избу.

«Здорово, хозяин!»

«Здорово, служба!»

«Благослови колядовать!»

«Колядуй, добрый человек!»

Солдат начал:

А в лесе, в лесе

Солдат на стреси;

Стреху продрал,

Гуся забрал.

Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я, – говорит, – такой коляды отроду не слыхивал».

«Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь».

Наутро полезла хозяйка за гусем,

а гусем и не пахнет давно!

* * *

Дело было весною.

Вынесли бабы холсты белить.

«Ну, – говорят, – теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!»

«У меня все будет цело! – стала похваляться одна старушка. – Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!»

Похвальные речи завсегда гнилы;

старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет.

Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат,

и вздумали поживиться чужим добром.

«Слушай, товарищ! – говорит один. – Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить». Сказано – сделано.

Подошел солдат к старухе:

«Здравствуй, баушка!»

«Здорово, батюшка! Куда тебя Господь несет?»

«Иду к начальству за тем, за сем, больше незачем».

«И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!»

«А я, баушка, к тебе с запросом;

вижу: ты – человек бывалый!

Разреши-ка наш солдатский спор.

Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно».

«Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» – «То-то! Прозвони-ка, баушка, по-вашему».

«По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон!

тинь-тинь-тинь! дон-дон!»

«Не много разницы! У нас, баушка, звонят пореже».

Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!»

Старуха и рот разинула;

пока она слушала, другой солдат стянул холст – и был таков! «Ну, служивый, – говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, – звоны-то ваши куда чудны!

Досыта насмеешься!» – «А вот ужо – так досыта наплачешься! Прощай, баушка!» – «С Богом, родимый!»

Вечером стали бабы холсты считать; у старухи нет одного.

Заплакала она горькими слезами,

и наплакалась досыта: правду сказал солдат!

* * *

У мужика в сенях висел кусок сала.

Один солдат взобрался на чердак;

другой вошел в избу:

«Здравствуй, бабушка!

Скажи, пожалуйста, как у вас звонят?»

«Неужли ж ты не слыхивал?»

«Не доводилось, бабушка!»

«У нас звонят: тень-бом! тень-бом!»

«А у нас: тини-тини, по-тя-ги-вай,

на сто-ро-ну по-глядывай!»

«Хорошо и этак!» – говорит баба.

Ну, пока один звонил, другой (солдат) сало стащил.

* * *

Пошел солдат в отпуск;
шел-шел, много верст ногами измерил,
и добрался к вечеру до одной деревушки.
Время было осеннее: то дождем поливало,
а тут изморозь пошла.
Солдат крепко измочился и весь иззяб;
остановился у одной избы,
постучался в окно и просится ночевать!
«Кто там?» – спрашивает хозяин.
«Солдат».
«Откуда тебя черти принесли?
Ступай туда, откуда пришел».
Постучался солдат у другой и у третьей избы,
всю деревню обошел – нигде не пускают;
приходится на улице мерзнуть!
Увидал он – на другом краю стоит еще избушка,
пошел туда и говорит:
«Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!»
«Пожалуй, пущу, только с тем уговором,
чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки».
«Хорошо, – говорит солдат, – я стану сказывать,
только чтоб никто мне не поперечил;
а коли кто хоть едино слово промолвит,
так уж не погневись – тому и сказки рассказывать до белого дня».

«Ладно, ладно, служивый!»

Вот поужинали и улеглись на ночь:

хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке,

а работник под печкою.

«Ну, – сказал солдат, – теперь слушайте,

начинается моя сказка:

как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!

Как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!»

пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил!

Мужик слушал-слушал, разобиделся и не вытерпел:
«Послушай, служивый!

Ведь ты и меня заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?»
Солдат вскочил с лавки, хлоп хозяина по уху:

«Мое дело было сказывать, твое – слушать да молчать!»
Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься!

«Полно, служивый! – говорит хозяин. – Ложись с Богом.

Я сам тебе стану сказку сказывать».

Солдат улегся, а мужик начал:

«Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!

Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!»

Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут,

и говорит:

«Полно вам болтать, скоро свет, а вы всё не спите!»

Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе:

«Как ты смела перебить нашу сказку?

Теперь сама рассказывай!»

Нечего делать, начала старуха:

«Какой, – говорит, – хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!

Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!»

Твердила, твердила;

вот услыхал работник и отозвался под печкою:

«Будет вам толковать;

из пустого в порожнее переливать;

добрые люди давно спят!»

Тут все трое, и солдат и хозяин с хозяйкою,

уцепились за работника: говори-де нам сказку!

Работник начал:

«Как не спали мы с вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!

Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!»

И говорил он эти речи до самого света.

Поутру собрался солдат в дорогу:

«Прощай, хозяин!»

«Ну те к бесу!»

* * *

Два солдата шли домой на побывку;

шли, шли – дело-то было зимою – и набрели на мерзлого человека.

Один говорит:

«Вот беда!»

Другой ему:

«Что за беда? Это Бог клад дает!»

Отрубил у мертвого ногу и положил ее в ранец со всем с сапогом.

Пришли они в большое село,

сговорились промежду себя и выпросились один у богатого мужика на ночь,

другой – у его соседа.

Тот, что ночевал у богатого мужика,

собрался рано-рано,

только светать начинало,

подбросил на полати отрубленную ногу и ушел потихоньку.
Погодя немного приходит его товарищ,

стучится в избу и кричит:

«Вставай! Солдату долго спать не приходится;

пора в поход идти».

«Да его здесь нету, – говорит хозяйка, – видно спозаранку ушел».

«Вот те на, что выдумала, как же он про меня-то забыл?»
Тотчас вошел солдат в избу,

бросился на полати,

искал-искал и нашел отрубленную ногу, вытащил ее.

«А это что?» – говорит.

Хозяин с хозяйкою перепугались:

«Батюшка! Знать не знаем, ведать не ведаем;

ни душою, ни телом не виноваты».

«Врете вы, воры!

Польстились на солдатские деньги, да и зарезали:

вот так-то вы нашего брата прохожего обираете да свои карманы набиваете – с того и богатеете!

Да что с вами много разговаривать!

Пойду к сотскому и заявлю;

пускай это дело суд разбирает».

Мужик чуть не в ноги кланяется солдату:

«Служивый! Батюшка! Нельзя ли как помириться?»

Принес ему штоф водки, потчует, а сам все упрашивает. Солдат как выпил, еще пуще зашумел.

«Не погуби, родимый! – просит мужик.

Хочешь полсотни взять?»

«Как бы не так!

С убитого ты, чай, целую тысячу заграбил; давай пятьсот,

в убытке не будешь!

Коли дашь – все шито да крыто, а не дашь – на себя пеняй!» Нечего делать, заплатил ему мужик пятьсот рублев.

«Давай еще на придачу лошадь с телегой».

Мужик и на том не постоял.

Вот солдат сел в повозку и поехал в путь-дорогу;

нагнал своего товарища,

что вперед-то ушел, и говорит: «Здорово, земляк! Не подвезти ли?»

«Что, как дело?»

«Да ведь я ж тебе говорил, что Бог клад дает».

* * *

Сидели старик со старухою на печи.

Старуха смотрит в окошечко на поле и говорит:

«Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка,

да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут

да посеял хлеба,

хлеб-то бы вырос, а дочка сжала;

нарастила бы я солоду, наварила бы пива,

всю родню свою созвала бы, а твоих не позвала б!»

«Нет, моих позови, а своих не надо!» – говорит старик.

«Нет, своих позову, а твоих не надо!»

Старик вскочил и ну таскать старуху за косу;

таскал-таскал и с печи столкнул.

Старик поехал в лес за дровами,

а старуха бежать собралась;

напекла пирогов да хлебов,

уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться.
Узнал как-то про это старик, воротился домой,

повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила,

отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок.

Старуха пришла домой,

подняла мешок на спину и ударилась в беги.

Сделала верст пять или шесть, остановилась и говорит:
«Сесть было на пенек, съесть было пирожок!»

А старик из мешка кричит:

«Вижу-вижу, слышу-слышу!»

«Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!»

думает старуха и пустилась дальше.

Опять верст шесть отошла и говорит:

«Сесть было на пенек, съесть было пирожок!»

«Вижу-вижу, слышу-слышу!» – кричит старик.

Она опять бежать;

много верст отсчитала и так-то приустала, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает.

«Что будет – не будет, остановлюся здесь, – думает старуха, – отдохну маленько да закушу».

Глядь – а в мешке-то муж.

Взмолилась старуха старику:

«Батюшка, помилуй!

Николи вперед не стану бегать».

Старик ее простил, и пошли вместе домой.

* * *

Бедный мужик, идучи по чистому полю,
увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит:
«Вот когда заживу домкомто!
Возьму этого зайца,
убью плетью да продам за четыре алтына,
на те деньги куплю свинушку,
она принесет мне двенадцать поросеночков;
поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати;
я всех приколю, амбар мяса накоплю;
мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь;
жена-то родит мне двух сыновей Ваську да Ваньку.
Детки станут пашню пахать,
а я буду под окном сидеть да порядки давать:
эй вы, ребятки, крикну,
Васька да Ванька,
шибко людей на работу не туганьте,
видно, сами бедно не живали!»
Да так-то громко крикнул мужик,
что заяц испугался и убежал,
а дом со всем богатством,
с женой и с детьми пропал!

* * *

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки;
захотелось к празднику гостей зазвать,
пирогами попотчевать.
Принес домой муку, да и задумался:
«Жена! – говорит он своей бабе.
Муки-то я украл, да боюсь – узнают, спросят:
отколь ты взял такую белую муку?»
«Не кручинься, мой кормилец,
я испеку из нее такие пироги,
что гости ни за что не отличат от аржаных».

* * *

«Куда, добрый человек, идешь?»
«Да вон в соседнюю деревню».
«Что ж, там родня у тебя?»
«Да из нашей деревни отдана туда девка замуж».
«Так зачем же ты идешь?»
«Да либо пива напиться, либо подраться».

* * *

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже:

«Не был ли здесь мой пьяница?»

«Был».

«Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он выпил?»

«На пятак».

«Ну так давай мне на гривну».

* * *

Выдали девку замуж;

она сидит и воет:

«Свет-то моя крашенина,

у матушки на печи осталась!» – «Какая крашенина?

Много ли аршин?»

«Да я в квасу хлеба накрошила густо-нагусто,

и с лучком и с маслицем!»

* * *

У одной бабы был муж глухой.

Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу.

Вот она и говорит ему:

«Ох ты, моя защита и оборона!»

«Как, я ощипана ворона?

Ах ты, такая-сякая!» – и отколотил жену.

«Что ты, глухой черт! – закричала баба.

Разбойник, обидчик этакой!»

«Вот давно бы так!» – сказал муж.

* * *

Давно было.

Не стало на селе попа.

Согласились мужики избрать попа миром,

выбрали и пошли к дяде Пахому.

«Пахом, – говорят ему, – а Пахом!

Будь ты у нас на селе попом».

Пахом и стал попом, да то беда:

ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет.

Вот однажды собрались миряне в церковь,

а в тот день был большой у Бога праздник.

Пахом выносит книгу и спрашивает:

«Православные! Знаете ли вы эту книгу?»

«Знаем, батька, знаем.

Еще покойный поп все, бывало, ее читал».

«Ну, коли знаете, нечего вам ее и читать».

Выносит другую:

«Православные! А эту книгу знаете?»

«Нет, батька, этой не знаем».

«Ну, так что ж вам ее и читать!»

* * *

Повез мужик в город три четверти ржи продавать.
Подъезжает к заставе.

Обступили его мошенники:

«Стой! Как тебя зовут?»

«Егором, родимые!»

«Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали;
троих-то нашли, а четвертого всё ищут!

Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут? – говори:

без четверти Егор;

а не то свяжут да в тюрьму посадят».

«Спасибо, родимые, спасибо, что научили!»

Приехал мужик на подворье, хватился,

а четверти ржи как не бывало!

На заставе стащили.

* * *

Жил-был мужик Иван да жена Арина.

Послал он ее в поле рожь жать.

Вот Арина пришла на полосу,

выжала такое местечко,

чтоб можно было одной улечься;

улеглась,

выспалась хорошохонько и отправилась домой,

будто и впрямь потрудилась-поработала.

«Что, жена, – спрашивает муж, – много ли сегодня выжала?» – «Слава тебе Господи, одно местечко выжала».

«Ну, это хорошо! – думает мужик. – Одна полоса, значит, покончена».

На другой день опять пошла Арина в поле,

выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день – то же самое,

и на четвертый – то же самое;

так всю неделю и проволочила.

Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать;

приезжает – а рожь стоит вся нежатая;

кое-где, кое-где выжато местечками,

да и то такими, что только человеку улечься.

Стал жену искать и видит:

лежит она на одном местечке да так-то храпит!

Мужик сейчас домой,

захватил ножницы, патоки и пуху;

воротился на жниву, остриг свою бабу наголо,

вымазал ей голову патокой и осыпал пухом;

сделал все это и воротился на деревню.

Вот Арина спала-спала, да, наконец, и проснулась;

хватилась рукой за голову и говорит сама себе:

«Чтой-то попритчилось!

Кажись, я – Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залает, так я, значит, – не Арина».

Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком:

«Что, ваша Арина дома?»

Муж смекнул и говорит ей:

«Дома!»

Тут вылезла из-под ворот собака,

не признала хозяйки и бросилась на нее словно на чужую; так за полы и хватает.

Арина бегом да бегом,

как бы только живой от своего дома уйти!

И пошла она бродить по полю;

целые сутки ничего не пила, не ела.

После того мужик сжалился,

простил ее,

и с той поры стала Арина жать бесхитростно.

* * *

Доселева одинокий был Мартынко,

задумал жениться и пошел свататься к попу;

вот и сватает девку Устинью.

Поп ему и бает:

«Ой, Мартынко, отдал бы, да как станешь жить-то?

Ведь Устя уросливая такая!»

Мартынко отвечает ему:

«Батюшка!

Я один, а с ней будем двое,

не на кого будет сердиться,

не с кем будет браниться».

Поп согласился отдать Устю за Мартынка.

Вот они и свенчались.

Мартынко увез Устю к себе домой; она спрашивает:

«Коли ты осердишься, что делаешь?»

Он сказал:

«Когда осержусь, с воды пьян бываю!»

Потом спросил Устю:

«А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?»

«Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у кокошника козырек назад сделаю».

На другой день утром уехал наш Мартынко на своей пегой кобыле пахать под вешну.

Устя после его настряпала шанег,

понесла к нему, кричит:

«Мужик, иди есть!»

Он как будто не слышит, пашет себе.

Устя рассердилась, ушла домой,

стряпню свою съела и села на печь к углу лицом.

Мартынко как приехал домой,

выпил два ковша воды,

взял ягненка и порвал;
начал полезать на печь к жене,
оборвался,
пал к дверям избы на пол и захрапел.
Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела,
в окошко дров натаскала,
истопила печку и настряпала для Мартынка.
Он проснулся,
она его напотчевала и созвала в гости к отцу.
Вот Мартынко запряг свою пегую кобылу в сани – нужды нет, что весной!
Поехали; дорогою кобыла-то у них не пошла,
Мартынко отсек ей голову и запряг свою Устю.
Подъезжает к дому тестя:
увидела попадья с дочерьми,
что Устя Мартынка везет,
выскочила встречать, взяли кто за гужи,
кто за оглобли, пособляют Усте;
а поп благодарит Мартынка,
что так учит уросливых.
Пришли в избу, Устя заказывает своим,
чтобы воды нигде не было,
а поили бы вином да пивом; сказывала:
когда Мартынко воды напьется – беда сердит!

На другой день как-то одна стряпка оставила в сенях ведро с водою; он и напился воды,

задурел как пьяный,

приказывает Усте запрягаться,

а она дрожит да все попа просит,

чтобы дал им своего бурка.

Поп подарил им лошадь;

Мартынко уехал с Устей домой,

и теперь они живут да хлеб жуют,

а Устя поди-кось какая послушная стала!

* * *

В одном селе жил-был старик,

да такой скупой, прижимистый!

Как сядет за стол, нарежет хлеба,

сидит да на снох посматривает:

то на ту, то на другую, а сам ничего не ест.

Вот, глядя на него,

и снохи тоже поглазеют-поглазеют,

да и полезут вон из-за стола голодные.

А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся,

напьется и разляжется на печи сытехонек.

Вот однова отпросилась меньшая сноха

и пошла к своему отцу,

к матери и стала жаловаться на свекра:

«Такой-де лютый, ненавистный!

Жить нельзя!

Совсем есть не дает, все ругается:

ненаеды вы этакие!»

«Хорошо, – говорит ей отец, – я приду к вам в гости,

сам посмотрю ваши порядки».

И погодя денек-другой пришел он к старику вечером.
«Здорово, сват!»

«Здорово!»

«Я к тебе в гости; рад ли мне?»

«Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» –
«Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?»

«Ништо, живет себе!»

«Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят;

давай-ка поужинаем, легче говорить будет».

Сели за стол; старик нарезал хлеба,

сам не ест – сидит,

все на снох глядит,

«Эх, сват! – говорит гость. – Это не по-нашему;

нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал – и то поел.

Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!»
После ужина стали спать укладываться.

«Ты, сват, где ляжешь?» – спрашивает хозяин.

«Я лягу на кутничке».

«Что ты! Я тут завсегда сплю», – говорит старик;

вишь, в кутё у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе,

он украдкою встанет и наестся вдоволь.

Сват это дело заприметил.

«Как хочешь, – говорит, – а я лягу на кутничке».

Вот улеглися все спать.

В самую как есть полночь старик

ползком-ползком да прямо в залавок – скрип!

А гость еще с вечера припас про него

большой ремённый кнут;

как вытянет свата раз,

другой, третий – сам бьет да приговаривает:

«Брысь, окаянная, брысь!»

Пришлось старику не евши спать.

Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил надолго себя помнить.

Проводил его старик,

и с тех пор полно – перестал у снох во рту куски считать.

* * *

Послала хохлушка в город мужа – продавать кадку масла да купить очипок,

и накрепко ему наказала по сторонам не зевать,

а смотреть, чтобы не стащил кто кадки.
Приехал хохол на базар,
поставил свою кадку и уселся на ней.
«Что, хохол, продаешь?»
«Масличко».
«Покажи».
«Ни, вкрадешь!»
И это говорил он всякому,
кто только хотел торговать у него масло.
Так без толку и просидел на базаре до самого вечера;
а тут пришли два солдата.
«Знаешь что, хохол? – сказал ему один,
ведь с вашего брата набор, тебя,
пожалуй, в солдаты возьмут.
Не хочешь ли помериться?
Может, ты и не годишься...»
Хохол встал и пошел в меру становиться;
солдат примерил его и говорит:
«Ну, счастлив твой бог! Ты, брат, не годен».
А тем временем другой солдат уж успел
стащить у него кадку с маслом.
Приходит хохол назад,
смотрит – масло украдено;
потужил он, потужил и поехал домой.
Только в двери, а жена спрашивает:

«Що, человиче, купив очипок?»

«Ни».

«А масличко продав?»

«Ни».

«Сгубив?»

«Ни».

«Вкрали?»

«Ни».

«Де ж воно?»

«Ге! Усе утро стояв – не вкрали,

повдень стояв – не вкрали,

та насилу-насилу вже к вичеру вкрали!»

* * *

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать.

«Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!»

«Ну что ж, садись за стол, гость будешь!»

Солдат снял тесак да ранец,

помолился образам и уселся за стол;

а хозяин налил стакан горького и говорит:

«Отгадай, служба, загадку – стакан вина поднесу;

не отгадаешь – оплеуха тебе!»

«Изволь, сказывай загадку».

«А что значит чистота?»

Солдат подумал-подумал и вымолвил:

«Хлеб чист, значит он и чистота».

Мужик хлоп его по щеке.

«Что ж ты дерешься? Нас бьют да вину сказывают». –
«Чистота, брат, кошка: завсегда умывается!

А что значит благодать?»

Солдат опять подумал-подумал и говорит:

«Знамое дело, хлеб – благодать!»

Мужик хлоп его в другой раз:

«Врешь, брат, служба! Благодать – вода.

Ну, вот тебе последняя загадка: что такое красота?»

Солдат опять свое:

«Хлеб, – говорит, – красота!»

«Врешь, служба; красота – огонь;

вот тебе и еще оплеуха!

Теперь полно, давай ужинать».

Солдат ест да про себя думает:

«Сроду таких оплеух не видал,

и на службе царской того не было;

постой же, я тебе и сам удружу;

будешь меня помнить!»

Поужинали и легли спать.

Солдат выждал ни много,

ни мало времечка;

видит, что хозяева заснули,

слез с полатей, поймал кошку,

навязал ей на хвост пакли,

паклю-то зажег да кошку на чердак погнал:

бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому;

вмиг загорелась изба, и пошло драть!

Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать.

«Что ты, служивый?»

«Прощай, хозяин! Иду в поход».

«Ступай с Богом!»

«Да вот тебе на прощанье загадка:

взяла чистота красоту, понесла на высоту:

коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!
Отгадывай!» – сказал солдат и пошел со двора.

Пока мужик ломал себе голову,

что бы такое значили солдатские речи,

загорелся потолок.

«Воды! Воды!» – кричит хозяин,

а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгинуло.

«Ну, правду солдат загадал:

коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!»
Отольются кошке мышиные слезки!

* * *

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы.

Приходит в балаган к разносчику:

«Дядюшка,

покажи-ка мне образ Временной Пятницы!»

Вместо того показывает он ей Егория Храброго.

«Дядюшка!

Да отчего же она, матушка, на коне?»

«Экая ты, баба, дура!

Оттого она и называется Временною,

что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит.

Вишь, конь-то так копытища и задирает!»

* * *

Одна баба,

ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца,

завсегда показывала змию кукиш:

«Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!»

Этим она так рассердила нечистого,

что он не вытерпел;

явился к ней во сне и стал стращать:

«Ну уж попадись ты только ко мне в ад,

натерпишься муки!»

После того баба ставила по свечке и Егорию и змию.

Люди и спрашивают, зачем она это делает?

«Да как же, родимые!

ведь незнамо еще куда попадешь:

либо в рай, либо в ад!»

* * *

Орал мужик в поле,

выорал самоцветный камень.

Идет домой, а навстречу ему сосед, такой стародревний.

Показал ему камень:

«Кому гож?»

«Неси, – говорит, – к царю».

Понес; приходит во дворец и повстречал генерала.
Поклонился ему до земли:

«Батюшка! Доведи до царя».

«Зачем тебе нужно?»

«Несу из деревни подарок».

«Ну, мужичок, чем царь тебя наградит,

отдай мне половину;

а не хочешь – вовек не дойти тебе до царя».

Мужик согласился.

Вот генерал довел его до самого царя.

«Благодарю, мужичок! – говорит царь.

Вот тебе в награду за то две тысячи рублей».

Мужик пал на колени:

«Не надо мне, царь-государь иной награды,

кроме пятидесяти стежей в спину».

Возжалел его царь и приказал дать

ему пятьдесят стежей легонько.

А мужик зачал считать;

как дали двадцать пять, он и закричал:

«Полно, будет с меня; другая половина посулена тому,

что довел меня до вашего царского величества».

Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды,

как следовало; только он не рад был такой награде!

Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи.

* * *

В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень.

Тотчас же приказал он публиковать в газетах:

кто найдет и доставит к нему перстень,

тому будет большая награда деньгами.

И посчастливилось найти тот перстень одному простому солдату.

«Как теперь быть? – думает солдат.
Коли в полку объявить,
то дело пойдет по начальству – от фельдфебеля к ротному,
от ротного к батальонному,
от батальонного командира к полковнику,
а тот к бригадному:
этак не скоро конца дождешься!
Дай-ка я лучше пойду прямо к королю».
Приходит во дворец; увидал его дежурный.
«Ты зачем?»
«Я, – говорит, – королевский перстень нашел».
«Хорошо, братец!
Я об тебе доложу королю,
только с тем уговором:
какую тебе даст король награду,
из той награды половину мне».
Солдат задумался:
«Вот в кои-то веки счастье попалось,
да и тем поделись!
Хорошо, – говорит дежурному, – только дайте расписку,
что вам половина и мне половина».
Дежурный дал расписку и доложил про него королю.
Король похвалил солдата за находку:
«Спасибо тебе, молодец!
Я тебе пожалую за это две тысячи!»

«Нет, ваше королевское величество,

это не солдатская награда;

солдатская награда – двести палок».

«Дурак же ты!» – сказал король и велел принести палок.

Стал солдат раздеваться,

расстегнул пуговицы,

и выпала у него расписка.

«Это что за бумага?» – спросил король.

«А это, государь, расписка,

что из теперешней награды только половина моя,

а другая следует дежурному».

Король засмеялся,

позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок.

Вот по тому приказу и принялись угощать его палками;

как скоро начали отсчитывать последний десяток,

солдат подошел к королю и сказал:

«Ваше величество,

когда он такой жадный,

что ему много надобно,

то я, так и быть,

жертвую ему и свою половину».

«Вишь какой добрый!»

сказал король и велел дать дежурному и другую сотню.

С той награды дежурный еле на карачках домой дополз;

а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на жить-бытье три тысячи рублей.

* * *

Был в одной помещичьей деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать.

Приходит к нему однажды староста и говорит:

«Завтра у нас праздник, работать нельзя».

«Какой там праздник выдумал?»

«Да святого Николы, батюшка!»

«А где он? Покажь мне его!»

Староста принес образ.

«Ну, это доска! – говорит немец.

Мне она ничего не сделает,

и сам буду работать,

и вы не ленитесь».

Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку;

опять приходит к нему староста:

«У нас, батюшка, завтра праздник».

«Какой праздник?»

«Да преподобного шерстня».

«А где он? Покажь!»

Староста привел его к старому дуплу,

где шерстни водились:

«Вот он!»

Немец стал заглядывать в щели,

а шерстни так и гудят!

«Ишь, – говорит немец, – как песни-то распевает!

Али водочки хлебнул?

Ну, да я его не боюсь,

все-таки прикажу работать».

Пока немец рассуждал,

шерстни вылетели и давай его жалить.

«Ай-ай! – закричал он во всю мочь.

Право слово – не велю работать,

и сам не стану;

пускай мужики хоть всю неделю гуляют.